

свои мысли, авторы, очевидно, посчитали, что сделали всё от них зависящее. Но это самообман. Стихи получились сырые, вялые. Надо писать так, чтобы „словом было тесно, а мыслям просторно”, чтобы в каждой строке не было ни одного лишнего слова, всё было просто и ясно» [7].

Пристальное чтение стихов самодеятельных камчатских сочинителей приводит нас к неизбежному выводу: за двадцать с лишним лет большевицкой власти не удалось, невзирая на все усилия по разрушению русских нравственных и духовных устоев, вытравить из граждан РСФСР русское самосознание, характеризующееся патриотизмом и готовностью при внешней угрозе приложить все силы для отражения этой угрозы. Низкий en masse художественный уровень рассматриваемых стихов, конечно, никаким образом не компенсируется высокими чувствами их авторов. Однако если рассматривать эти стихотворения не как литературные факты, но как почерпнутый в коллективном бессознательном социографический материал (а художественная литература эвристически раскрывает те явления жизни, которые учёные лишь теоретически предугадывают), то становится понятной «реальная критика» Николая Добролюбова, не ограничивавшего литературу лишь иллюстрированием фактов и событий и считавшего, что в литературе «вы находите не только нравственную, но и житейскую, экономическую сторону вопроса, а в этом-то и сущность дела» [10]. Писатель, даже не профессиональный, а любитель сочинять, поднимается над примитивным социологизмом. Поэтому исследование самодеятельных текстов позволило оценить умонастроения народа, к которому принадлежат самодеятельные сочинители, и прийти на этом основании к вышеописанному выводу.

1. *Акишинский В. С.* В Паратунке // Камчатская правда. 1943. 17 окт.
2. Он же. На Камчатке // Там же. 1944. 1 мая.
3. *Болдырев П.* Внесем больше средств в фонд обороны // Знамя Сталина. Оссора, 1943. 20 февр.
4. *Васильев В.* За тридевять земель. Петропавловск-Камчатский : Дальневост. кн. изд-во, Камч. отд-ние, 1982, С. 6.
5. *Власов М.* Пограничник // Большевицкий путь. Усть-Камчатск, 1945. 1 февр.
6. *Гаврилов Л.* Все для победы // Камчатская правда. 1943. 17 янв.
7. *Гранов М.* Голос сердца // Там же. 1944. 9 апр.
8. Он же. Нерушимая любовь к Родине // Там же. 1941. 17 авг.
9. *Гущеваров П.* Крепи оборону Родины // За колхозную жизнь. Эссо, 1942. 15 апр.
10. Луч света в темном царстве // Добролюбов Н. Избранное. М. : Дет. лит., 1952. С. 152.
11. *Емельянов П.* Наши в Берлине // Корякский большевик. Палана, 1945. 1 мая.
12. Он же. Страна самураев – повержена в прах // Там же. 6 сент.
13. *Ермаков К.* Женщинам Камчатки // Камчатская правда. 1945.
14. Он же. Песня рыбаков // Ударник. Усть-Большерецк, 1943. 15 окт.
15. *Задонский Н.* Воинам труда // Большевицкий путь. Усть-Камчатск, 1945. 23 февр.
16. *Леонидова Р.* Священное чувство // Камчатская правда. 1941. 9 июля.
17. *Любченко Н.* Могуч и грозен гнев народный // Сталинец. Тиличики, 1942. 18 янв.
18. *Миронов Г.* Жду тебя // Корякский большевик. Палана, 1945. 1 мая.
19. *Осипов К.* Перед катастрофой // Большевицкий путь. Усть-Камчатск, 1944. 2 мая.
20. *Пластилина З.* Стихи о любви к Родине, о мести врагу // Камчатская правда. 1942. 9 окт.
21. *Рудановская Т.* Неудачливый телок // Камчатский колхозник. Мильково, 1944. 21 дек.
22. С Новым годом, с новыми успехами! // Большевицкий путь. Усть-Камчатск, 1944. 1 янв.
23. С фронта пришло письмо // Там же. 1945. 12 апр.
24. «Увязнут враги в сугробах снежных...» // Там же. 1941. 8 окт.
25. *Уралов М.* Сталин зовет нас на новый подъем // Камчатский колхозник. Мильково, 1942. 18 апр.
26. *Фрадынский Г.* Мы победим! // Корякский большевик. Палана, 1941. 19 июля.

А. В. Пташинский **«НОВЫЕ» СТАРЫЕ СТОЯНКИ В БУХТЕ БЕЧЕВИНСКОЙ**

Аннотация. В полевой сезон 2019 г. автор статьи провел археологическую разведку в бухте Бечевинской. Впервые памятник археологии в бухте Бечевинской описал и провел раскопки на нем К. Дитмар в 1852 г. Его информация использовалась в качестве основной в археологической литера-

туре на протяжении длительного времени. В результате исследований установлено, что поселение Бечевинка I полностью руинировано современной антропогенной деятельностью. В связи с этим, данные К. Дитмара сохраняют свое неопределимое значение. Собранный подъемный материал содержит находки хроноцкого этапа древнеителменской культуры (I тыс. н. э.) и древнеайнской культуры (середина II тыс. н. э.).

Ключевые слова: Камчатский край, Елизовский район, бухта Бечевинская, археологическая разведка, поселение Бечевинка I, керамика типа najji, древнеайнская культура.

A. V. Ptashinskiy

«NEW» ANCIENT SITES IN BECHEVINSKAYA BAY

Abstract. In the field season of 2019, the author of the article conducted archaeological explorations in the Bechevinskaya Bay. For the first time, a site in the Bechevinskaya bay was described and excavated by K. Ditmar in 1852. His information was used as the main one in archaeological literature for a long time. As a result of research, it was found that the settlement of Bechevinka I is completely ruined by modern anthropogenic activities. In this regard, the data of K. Ditmar retain their invaluable value. The collected artifacts contain finds of the Kronotsky stage of ancient Itelmen culture (I millennium AD) and ancient Ainu culture (mid II millennium BC).

Key words: Kamchatka Region, Yelizovskiy District, Bechevinskaya Bay, archaeological exploration, Bechevinka I settlement, najji-type ceramics, ancient Ainu culture.

Территория современного Елизовского района изучена лучше всего в археологическом отношении. Эта часть полуострова Камчатка была наиболее плотно заселена и освоена в промышленном и сельскохозяйственном плане, начиная с середины XIX в., и остается таковой до настоящего времени.

Полуостров Шипунский представляет собой горное образование с абсолютными отметками до 935 м (г. Снежная), с относительными превышениями 300–700 м. Этот полуостров – один из четырёх крупных полуостровов на тихоокеанском побережье, первый к северу от Авачинской губы.

В отличие от других полуостровов Камчатки Шипунский изрезан красивыми фиордообразными бухтами. Между м. Ловушек и м. Входным бух. Бечевинская вдаётся в берег на 11 км. Западный берег бухты высокий и скалистый. Низкой косой, выступающей от западного берега, и косой Дымка, отходящей от восточного берега, бухта делится на две части: меньшую – юго-западную и большую – северо-восточную. Ширина бухты до 750 м (рис. 1 – см. на CD-диске).

Склоны сопки, подходящих к бухте, поросли березой и кедровым стлаником. Восточный и западный берега в северо-восточной части бухты на большом протяжении окаймлены полосой осушки шириной 10–15 м.

Значительные площади антропогенных нарушений связаны с тем, что в начале 1960-х гг. бухта использовалась как запасной район манёвренного базирования, сюда заходили военные корабли и лодки для стояния на якорю. После создания в бухте базы 182-й отдельной бригады подводных лодок Тихоокеанского флота (известной также как Петропавловск-Камчатский-54 или Финвал) в приустьевой части руч. Любимова появился военный городок со всей инфраструктурой, а на берегу были построены пирсы и причалы. На склоне прибрежной сопки находилась береговая часть хранения боезапаса. Она представляла собой бетонные хранилища для торпед, гаражи, помещения караула, бетонированные дороги, опоясанные заборами с колючей проволокой и рядами окопов и укрепленных позиций. В настоящее время их развалины привлекают немногочисленных туристов, посещающих бухту на катерах или вертолетах.

Последние, самые свежие обширные почвенные нарушения – спланированные вертолетные площадки, траншеи, капониры, срубленные березы – появились в ходе проведения учений Министерства обороны РФ летом 2017 г.

Первые раскопки на приморских памятниках Авачинского и Кроноцкого заливов начал К. Дитмар летом 1852 г. Он оставил наиболее подробное описание поселения в бухте Бечевинской, все внешние признаки которого к настоящему времени уничтожены.

«Мы высадились на западном берегу внутренней бухты, у устья маленького горного ручья, который вытекал из наполненного снегом оврага. ...Начиная с более высокого предгорья и до самой бухты, здесь также рассеяно было множество остатков старинных юрт, совершенно сходных с теми, какие мы встретили в виде ям на Вахиле.

...Я... с двумя людьми приступил к раскопке старых камчадалских юрт... В пяти ямах, которые я осмотрел, повторялись совершенно одни и те же находки. Везде юрты были до половины завалены разным мусором, в котором попадались уголья, полуистлевшие обломки костей (в том числе нижняя челюсть медведя), части рогов горного барана и северного оленя, раковины и сгнившее дерево. Каменных изделий или осколков, отбитых при выделке их, встречалось очень мало. Но все-таки мы мало-помалу накопили достаточное количество таких предметов. Очень редко попадались костяные наконечники копий и мелкая глиняная посуда самой примитивной работы» [1, с. 173–174].

В 1910–1911 гг. на юго-восточном побережье Камчатки археологические исследования провели К. Д. Логиновский и В. И. Иохельсон. Они работали на берегах Авачинского залива и на оз. Налычево. Затем, в 1920–1922 гг., археологическими исследованиями занимались участники шведской ботанической экспедиции под руководством С. Бергмана. Они проводили раскопки в бух. Лиственничной и Тарье. С. И. Руденко, опираясь на материалы В. И. Иохельсона, в частности, на обнаруженную им керамику с внутренними ушками, считал, что позднейшим дорусским населением южной Камчатки были айны [2].

В 70–80-е гг. XX в. активные масштабные работы были проведены Н. Н. Диковым и Т. М. Диковой [3, 4]. Ими были исследованы стоянки на левом берегу р. Авачи у елизовского моста, на м. Лопатка, на берегу Авачинской бухты и оз. Налычева. В монографии, на карте археологических памятников, со ссылкой на К. Дитмара, Н. Н. Диков указал юртовища в Бечевинской губе под номером 252 [3, с. 8–9; с. 254].

Целенаправленные археологические разведки на побережье Кроноцкого залива были проведены А. К. Пономаренко в 1975–1980 гг. [5]. Бухту Бечевинскую, по причине ее закрытости и секретности в советский период, посетить и осмотреть не удалось. На врезке 4 на карте археологических памятников, составленной им, отмечены две древние стоянки на северо-западном берегу бух. Бечевинской (рис. 2 – см. на CD-диске) со ссылкой на К. Дитмара и В. И. Иохельсона [6, с. 10]. В монографии, где дано подробное перечисление памятников в форме таблиц, эти стоянки не указаны и в тексте не упоминаются [7, с. 25].

В фондах Камчатского объединенного краевого музея хранится небольшая коллекция из трех каменных орудий под № 30060/1-3, переданная военнослужащим в/ч 40094 А. Н. Евсеенко в 1992 г. Она была собрана на берегу бух. Бечевинской, на месте огородов ниже свинарника, в северной части памятника (поселения), который описал К. Дитмар.

В целом на юго-восточном побережье Камчатки выявлены памятники тарьинского (поздне-неолитического) времени, древнеителменской культуры (I тыс. н. э.) и айнской (древнеайнской) культуры найдзи (первая половина II тыс. н. э.).

Достоверным признаком проживания предков современных айнов является керамика типа *paiji* – плоскодонные сосуды или горшки-сковороды с внутренними ушками для подвешивания. Своей формой они воспроизводили японские железные котлы. Эти характерные горшки и дали название археологической культуре. На полуострове находки керамики найдзи известны к северу от Шипунского полуострова, на берегах Авачинской губы, в Елизове, на Начикинском и Курильском озерах, в устье р. Гольгиной и южнее. Радиоуглеродные датировки айнских материалов, полученные в последнее время, укладываются в пределах 850–450 л. н.

Основные дискуссионные вопросы заключаются в определении:

- времени и территории расселения древних айнов на юге Камчатки;
- соотношения их культуры с охотской;
- связей носителей тарьинской культуры с населением Северных Курил;
- генетической преемственности кроноцкого этапа древнеителменской культуры;
- качественной характеристики технокомплексов и эталонных коллекций с памятников восточного побережья Камчатки.

В процессе проведения археологических полевых работ в бух. Бечевинской в 2019 г. были обнаружены артефакты и отмечены участки культурного слоя, что позволило подтвердить и уточнить информацию К. Дитмара.

При осмотре участков на северо-западном берегу бухты, перспективных для размещения ОАН, были зафиксированы два места, где обнаружены артефакты – Бечевинка I и Бечевинка II (рис. 3 – см. на CD-диске). Все внешние признаки уничтожены, определить тип памятников невозможно. Исходя из описания К. Дитмара, Бечевинка I было крупным поселением с ясно выраженными западинами жилищ. Можно предполагать, что местонахождение Бечевинка II тоже было небольшим подобным поселением до строительства военного поселка.

Вся поверхность террасы и, соответственно, поселения Бечевинка I и часть склона нарушена в значительной степени, территория представляет собой природный ландшафт, сильно измененный в результате современного антропогенного воздействия (рис. 4 – см. на CD-диске). Вдоль лобовой части и бровки приморской террасы высотой 8–9 м проходят участки забетонированной дороги и тракторные колеи, траншеи, ходы сообщения, стрелковые ячейки и капониры (рис. 5 – см. на CD-диске). Нарушенную неровную поверхность маркирует высокотравье, покрывающее остатки укреплений и построек, в частности, пеньки от вкопанных бревен, обломки досок, обрывки тросов и кабелей, гнутые металлические части различных конструкций (рис. 6 – см. на CD-диске).

Подъемный материал был обнаружен на дне и в стенках траншей и капониров от складов боезапаса до глубоко врезанного устья небольшого ручья на протяжении около 650 м (рис. 7 – см. на CD-диске). В северной части край бывшего огорода, поросшего густым высокотравьем, отмечен забором – вкопанными спинками солдатских кроватей.

Наиболее выразительные каменные орудия представлены наконечниками стрел и их обломками. Целый наконечник стрелы из обсидиана смолянисто-черного цвета изготовлен на отщепе; односторонне выпуклый в поперечном сечении. Края обработаны мелкой ретушью. Черешок прямоугольный, плечики четко выделены.

Небольшой по размерам наконечник стрелы с обломанным черешком из обсидиана серого цвета обработан крупной струйчатой ретушью и мелкой – по краю.

Крупный резец или нож из асфальтового обсидиана односторонне выпуклый в сечении с выделенной рукояткой оббит широкими сколами и ретушью по краю. Пропорции асимметричные, основание скошено.

Нож из халцедона с широким выпуклым лезвием оббит крупными сколами и обработан нерегулярной ретушью по краю. На торце сужающегося черешка сохранился участок галечной корки. Уплощенный шлифовальный брусок обломан по краям, обе плоскости и края несут следы использования.

Скрепки целые и обломки на обсидиановых отщепах, концевые и боковые, обработаны односторонней ретушью.

Тесло или его заготовка изготовлено из конгломерата темно-серого цвета с включениями мелких камней, заметных в зоне обушка. Вся поверхность корродирована, шероховатая, негативы крупных сколов выделяются слабо, следов шлифовки не заметно. Форма удлинённая, обушок заметно сужается, сечение подтреугольное, угол рабочего лезвия около 45° (рис. 8, 1 – см. на CD-диске).

Рабочая часть другого тесла из кремневого туфа полностью зашлифована, следы предварительной оббивки слабо заметны и также зашлифованы. Сечение подтреугольное. Прямое лезвие забито крупными сколами (по три) с обеих сторон, угол заточки сохранившейся части около 50° (рис. 8, 2 – см. на CD-диске).

Стенка придонной части лепного керамического сосуда диаметром около 20 см с внешней стороны покрыта слоем черного нагара, на дне нагар отслоился (рис. 9 – см. на CD-диске). Внутренняя сторона дна, в частности, в зоне примыкания, покрыта нагаром, на стенке его слой меньше. Толщина стенки 1,0–0,8 см; дна – 0,7–1,0 см, угол примыкания около 60°. На изломе заметна примесь дресвы и мелкой галечки. Обжиг дна – неравномерный: внешняя поверхность дна коричневатого-серого цвета, внутренняя – темного серовато-коричневого цвета. Слои стенки – подобного цвета. Другой фрагмент придонной части имеет также сходные характеристики (рис. 10, 3 – см. на CD-диске).

Фрагмент верхней части венчика с характерным треугольным выступом покрыт нагаром с обеих сторон. Верхняя поверхность заглажена, выступ незначительно скошен наружу. Толщина 0,8–0,9 см. В нижней части фрагмента на внутренней стороне слабо заметно утолщение до 1,2 см – остаток валика, также характерного для керамики найдзи (рис. 10, 1 – см. на CD-диске).

Остеологический материал представлен крупными костями морских млекопитающих и кита. Границы памятника определить сложно, его площадь около 6 000 м².

Типологически находки каменных орудий можно предварительно датировать I тыс. н. э. и отнести к кронцкому этапу древнеителменской культуры. Фрагменты типичной плоскодонной керамики относятся к древнеайнской культуре, охватывающей середину II тыс. н. э.

Бывший военный городок (поселок) Бечевинка представляет собой разбросанные по склону сопки Перевальной (выс. 865 м) здания и сооружения из шлакоблоков и крупных панелей – дома, казармы, гаражи (рис. 11 – см. на CD-диске). Он расположен между долинами двух небольших ручьев на берегу бухты. К востоку от поселка находится устье руч. Любимова, к западу – устье ручья без названия. В центральной части поселка, вдоль берега бухты, проложена заасфальтированная дорога на отсыпке с «карманами», выложенными бетонными плитами (рис. 12 – см. на CD-диске).

В центре бывшего поселка, в траншее, на краю террасы высотой 5–6 м, в 6 м от бровки (рис. 13 – см. на CD-диске) был обнаружен отщеп из полупрозрачного обсидиана аморфной формы размером 2,3 x 2,1 x 0,9 см. Культурный слой в месте находки не прослежен. Каких-либо других артефактов не обнаружено.

Можно предполагать, что эта часть памятника Бечевинка II была полностью уничтожена во время строительства военного городка и его инфраструктуры. Площадь и его культурную принадлежность на данный момент определить невозможно.

В перспективе, при проведении разведок на берегах бух. Бечевинской, есть вероятность выявления новых, ранее неизвестных, памятников, разрушенных в меньшей степени. Невысокие пологие короткие перевалы в конце глубоко врезанной бух. Бечевинской соединяют ее с бух. Большая Медвежка, Моржовая и другими, что придает находкам в этой бухте характер важного звена в цепи приморских памятников на границе Авачинского и Кроноцкого заливов. В частности, по северной части основания Шипунского полуострова проходит северная граница распространения древнейшей культуры на восточном побережье Камчатки.

Результаты полевых работ подтвердили информацию К. Дитмара и позволили ее уточнить. В настоящее время его материалы приобретают важное историческое значение для дальнейших археологических исследований на восточном побережье Камчатки. Других данных у нас, к сожалению, нет.

1. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Петропавловск-Камчатский, 2009. 566 с.
2. *Руденко С. И.* Культура доисторического населения Камчатки // Советская этнография. 1948. № 1. С. 153–179.
3. *Диков Н. Н.* Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977. 392 с.
4. *Дикова Т. М.* Археология Южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. 232 с.
5. *Пономаренко А. К.* Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М., 1985. 216 с.
6. Камчатка XVII–XX вв. Историко-географический атлас. М., 1997. С. 10–11.
7. *Пономаренко А. К.* Тарьинская культура неолита Камчатки. Владивосток, 2014. 254 с.

В. П. Пустовит БУХТА РАКОВАЯ

Аннотация. В работе на основе архивных документов рассказывается о начальном периоде (1924–1933 гг.) советской исправительно-трудовой системы на Камчатке: деятельности администрации исправительно-трудового дома (ИТД) и её первого руководителя, условиях содержания и труда заключённых и связанных с этим чрезвычайных происшествий.

Ключевые слова: ИТД, исправительно-трудовой дом, заключённые, надзиратели, бараки, работа, побеги.

V. P. Pustovit RAKOVAYA BAY

Abstract. On the basis of the archival records the work tells about the early period (1924–1933) of the Soviet corrective-labor system in Kamchatka: activity of the labor-corrective establishment administration and its first director, prison and labor conditions and associated accidents.

Key words: labor-corrective establishment, prisoner, prison warden, barrack, labour, escape.

Летом 1924-го, через полтора года после окончательного установления советской власти в нашем крае, из Москвы в Петропавловск поступил секретный циркуляр по организации разгрузки мест заключения. Но на Камчатке разгружать было нечего.

Из информации местной прокуратуры: «В Камчатской губернии дом лишения свободы есть только один в Петропавловске (бывший арестный дом), который мало приспособлен к отбыванию долгосрочных и служит в большинстве случаев для предварительного заключения. Надзор за ним и правильностью содержания осуществляется личным наблюдением и посещением» [1, л. 12].